

Андрей Морозов

В пятницу драматургу и автору сценариев к популярным советским фильмам «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин» Эдуарду Володарскому исполнилось 65 лет. О своем отношении к либералам и коммунизму, о том, почему его не приняли в пионеры, и по каким причинам он больше не общается с режиссером Алексеем Германом, юбиляр рассказал в интервью «Новым Известиям».

— Эдуард Яковлевич, вы много писали про нашу армию. Что скажете про недавний дикий случай в челябинском училище?

— Это ужасно. Я считаю, что тех, кто издевался над парнем, надо беспощадно судить.

— Некоторые обвиняют в разжигании этого скандала прессу. Насколько они правы?

— Да если бы не СМИ, мы вообще ничего не узнали бы об этом! Никакой вины прессы тут нет. Тем, кто участвовал в истязаниях, надо дать по 15–20 лет, чтобы они прочувствовали. Мне кажется, что тут есть такой нюанс: нас заедает европейская политкорректность. В Европе с ней уже допрыгались.

— При чем тут политкорректность?

— Я глубоко убежден, что нам врут и пугают статистикой: дескать, при существовании смертной казни убийства будут увеличиваться. Это чудовищная ложь наших либералов. Я хорошо знаю законы старого воровского мира — на убийство человек шел только в крайнем случае.

— Значит, вы не либерал?

— Нет. Я и западных либералов терпеть не могу и считаю, что все беды России только от них.

— Значит, вы — патриот?

— Патриот патриоту рознь. Россия — моя родина, и другой мне не надо. Недавно приезжал мой приятель из Узбекистана и рассказал, что как только у них стали сажать на 10–15 лет за

СПРАВКА

Эдуард Володарский — драматург и сценарист. Автор 11 пьес, спектакли по которым идут в ведущих театрах страны, четырех романов и более чем 60 киносценариев, по которым сняты такие фильмы, как «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Емельян Пугачев», «Люди в океане», «Моонзунд». Работал также над сценариями для американских, финских, эстонских продюсеров. Родился 3 февраля 1941 года в Харькове. В 1967 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Награжден Золотой медалью имени Довженко. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии Российской Федерации

угона машины, то угоны практически прекратились. А раньше давали от силы два-три года, и то условно. Вот вам и политкорректность.

— Что еще из западного либерализма вам не нравится?

— Что немцу хорошо, то русскому плохо, и наоборот. России многое не пригодно из западного либерализма. Например, их экономическая модель общества. Россия — это громадное многонациональное государство с огромным количеством укладов и обычаев. Это и Север, и Кавказ, и Дальний Восток. Ну, и как ко всему этому можно приложить одну, например, шведскую или французскую модель экономики? Если говорить об интеллектуалах, то они всегда были за разрушение государства. Их идеи всегда оборачивались кровью для Европы. Вспомните, кто готовил французскую революцию? Вольтер и другие свободные мыслители — все они были масонами. Чем все это обернулось для Франции? Разрушением церквей, потоками крови, гильотиной, а кончилось Наполеоном, который всю Европу потом положил под свой сапог. Ничто просто так не проходит. В России то же самое. Недаром Ленин сознательно вел гражданскую войну.

— Недавно ПАСЕ обсуждало вопрос об осуждении коммунизма. Вы согласны, что его надо осудить?

— Я не приемлю коммунистический режим, но считаю, что доходить до такого нельзя. Все это делается только с одной целью — укусь-

ущемить Россию. Я абсолютно в этом уверен.

— Но ведь нацизм осужден.

— Это разные вещи.

— А итог везде один — миллионы ни в чем не повинных жертв.

— Если сравнивать масштабы репрессий по отношению к своему народу, то в Германии они несоизмеримо меньше. Нацизм и коммунизм несопоставимы по идеологии. Беда в том, что многие люди до сих пор идут за коммунистическими лозунгами. Например, за такими, как жажда справедливости.

— А вам ее хочется?

— Хочется, но свобода и равенство как лозунги очень обманчивы. Люди не равны с рождения. Один родился сильным, а другой слабым, один умным, а другой глупее, один евреем, а другой — англичанином. Там, где есть свобода, надо забыть о равенстве. Америка тому яркий пример.

— Не боитесь, что вас в коммунисты записут?

— Нет, я не коммунист и никогда не был в партии. Я и в комсомоле не был, и в пионеры меня не приняли.

— Почему? Что вы такого натворили?

— В шесть лет меня крестили. Когда готовились к приему в пионеры, один одноклассник «стукнул», что я ношу крестик. Меня стали стыдить, и я с ревом убежал из школы.

— Но крестик не сняли?

— Нет.

— А в комсомол почему не взяли?

— За пьянку.

— ?!

— Мы в химкабинете весь спирт выпили.

— Сколько же вам тогда было?

— 14 лет. Я водку начал пить в 14, а курить в 13. Я вообще был отъявленной шпаной, меня в Старомонетном на Полянке многие знали и боялись.

— Современных писателей, например, нашумевших Сорокина и Пелевина, читали?

— Сорокина почитал и больше не буду. Пелевин — серьезный писатель.

— Как вы считаете, чего больше сейчас — литературы или хорошо написанных книг?

— Конечно, в большинстве то, что есть, это не литература в высоком смысле этого слова. Литература — это Юрий Казаков, Юрий Трифонов, Тендряков, Распутин, Белов, Паустовский, Бабель...

— Не обидно, что настоящая литература отходит на второй план?

— Что делать, если Москва, Питер и другие большие города превратились в общество потребления и только потребления? Кстати, в такое общество давно уже превратилась Европа. Естественно, настоящие писатели сейчас никому не нужны. Сегодня на плаву те, кого интересует, как бы побольше заработать денег. Отсюда все эти шиловы и никасы сафроновы. Такие люди есть и в кино. Беда в том, что у них таланта маловато. Но при минимуме способностей у них есть фантастическое умение выжать максимум из этого мира и еще умение приспособиться в жизни.

— Как получилось, что вы стали писать пьесы, которые были поставлены чуть ли не во всех театрах Советского Союза?

— Мой сценарий «Долги наши» Госкино завернуло. Его прочитал Кончаловский и сказал мне: «Чего ты ноешь? Сделай из него пьесу». Я никогда до этого не писал пьес. Андрон посоветовал мне: «Возьми «Дядю Ваню» Чехова, пересчитай в ней слова и сделай так, чтобы у тебя их было не больше». Я приехал домой, взял «Дядю Ваню», пересчитал слова... Первый вариант моей пьесы тоже был в трех действиях, как у Чехова.

— Почему именно «Дядя Ваня»?

— Это идеальная пьеса, образец театральной драматургии. Потом я стал размышлять, куда ее понести, и пошел в МХАТ. Моя фами-

лия тогда уже была на слуху после положенных на полку фильмов «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин». И дама из приемной Олега Ефремова сказала мне, что я могу оставить рукопись у нее. В тот момент, когда я доставал из пальто свернутую в трубку рукопись, вышел сам Ефремов. «Это молодой автор Володарский, он принес пьесу», — стала она объяснять ему. «Давай я сам почитаю», — сказал Ефремов и взял мою рукопись. Через неделю мне позвонила та самая дама и с придыханием сказала, что Олег Николаевич ждет меня. Я стал интересоваться, понравилась ли ему пьеса. Она шепотом сказала: «Очень». Эта пьеса шла почти десять лет.

— Богатым, наверное, стали от гонаров?

— Чуть не спился. Она шла в 127 театрах страны, и в месяц я получал «авторских» по четыре тысячи. И все эти деньги умудрялся пропивать. Иногда даже звонил в агентство по авторским правам и просил дать аванс. Потом я написал «Уходя, оглянись». Она тоже была поставлена во МХАТе и шла по всем театрам Союза. К ней Высоцкий написал песню «Час зачатия я помню не точно». Хотя первоначально она должна была прозвучать в фильме по моему сценарию «Вторая попытка Виктора Крохина», но он тоже был положен на полку.

— Вы автор сценария, наверное, самых лучших фильмов Германа. Какая же кошка пробежала между вами, если теперь вы не говорите о нем ничего хорошего?

— Господь Бог не всегда талант помещает в соответствующую человеческую оболочку. Как человек он для меня никто. Я могу принять его как художника, хотя не понял его фильма «Хрусталева, машину!» и не понимаю, как можно восемь лет снимать один фильм. Он давно возмущал меня своими человеческими качествами. После того, как он стал публично нападать на Никиту Михалкова, я публично вступился за Никиту, с которым дружу много лет. Я друзей не предаю. Кстати, а вы видели «Мать» Пудовкина? А «Окраину» Барнета? А фильмы Дзиги Вертова?.. Теперь сравните все это с «Лапшиным»!

— Но ведь любой художник что-то у кого-то заимствует. У того же Михалкова можно найти что-то «цитаты».

— Я не обвиняю, нет. Я не хочу, чтобы при этом говорили про себя: «Я — гений!». Любой художник может кому-то подражать, у кого-то учиться... Черно-белое кино — вообще что-то фантастическое. У Германа был гениальный оператор Валерий Федосов, жаль, что он так рано умер. У меня такое ощущение, что недалек тот день, когда кино вернется к черно-белому изображению.

— Меня удивило, что вы очень часто говорите о своем негативном отношении к Сокурову, которому помогал Андрей Тарковский.

— Кто вам это сказал?

— Сам Сокуров.

— Знаете, это мне напоминает один анекдот. Приходит старик к врачу и жалуется: «Доктор, что-то у меня плохо с женщинами получается». «Сколько вам лет?» — спрашивает врач. «72» — отвечает старик. «Дедушка, — говорит ему доктор, — в ваши-то годы! Возраст уже...». «При чем тут возраст? Соседу 75, а он говорит, что он два раза в неделю может!» — возмущается старик. «Ну и вы говорите!». Вот с Сокуровым то же самое. Я считаю, что он фантастически дутая фигура. Ничего за ним нет. Я не буду обвинять его, что он лжет про помощь Тарковского, но я не верю, что это было так. Я очень хорошо знал Андрея.

— Как же быть с тем, что в Европе ему аплодируют и дают самые высшие призы на фестивалях?

— А чего нам равняться на Европу? Мало ли чему аплодирует Европа? Для меня это еще не показатель. У меня свои мозги есть.

По сценариям Володарского снималось и советское кино («Проверка на дорогах», «Свой среди чужих, чужой среди своих»), и российские сериалы («Штрафбат»).